

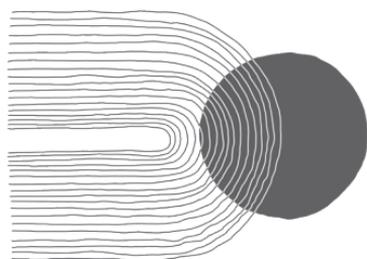
~~Она родилась в 1841 году на овечьей ферме на Фарерских островах,~~

~~Полярная исследовательница выросла на ферме неподалеку от~~

Где-то в Северной Атлантике, между Шотландией и Исландией, на острове, где овец было больше, чем людей, жена пастуха родила девочку, которая выросла и стала изучать лед.

Некогда паковый лед представлял для судов такую опасность, что компании и правительственные чиновники, обеспечивающие финансирование полярных экспедиций, высоко ценили услуги любого исследователя, который разбирался в его природе и мог достоверно предсказать, как лед себя поведет.

Полярная исследовательница Айвэр Минервудоттир родилась на Фарерских островах в домишке с торфяной крышей, на постели, пропахшей китовым жиром, ее мать успела к тому времени произвести на свет девятерых детей, четырех из которых она похоронила.

ЖИЗНЕОПИСАТЕЛЬНИЦА

Жизнеописательница, работающая над биографией Айвёр Минервудоттир, ждет своей очереди в помещении, предназначенном для женщин, чьи тела функционируют ненадлежащим образом. На ней спортивные штаны, кожа у нее белая, щеки в веснушках, она не молодая и не старая. Скоро ее вызовут в смотровую, где придется залезть на гинекологическое кресло и вставлять ноги в держатели, в вагину зачихнуть специальную палочку и на большом экране появится черно-серое изображение ее матки и яичников. Пока же она рассматривает обручальные кольца своих соседок. Внутренние бриллианты, блестящие толстые ободки. У дам с такими вот кольцами наверняка имеются кожаные диваны и платежеспособные мужья, но при этом их клетки, трубы и кровь не выполняют свое животное предназначение. Такая история жизнеописательнице по крайней мере нравится: простая и ясная,

на нее можно отвлечься и не думать о том, что творится в головах у этих самых женщин и мужей, которые их иногда сопровождают.

Медсестра, мадам Грымза, нацепила сегодня ядовито-розовый парик и замысловатую конструкцию из пластиковых ремешков, которая не прикрывает практически ничего — в том числе и грудь.

— С Хеллоуином! — поясняет она.

— И вас, — отвечает жизнеописательница.

— Пойдемте выкачаем из вас немного жизненной силы.

— Прошу прощения?

— Это так говорят — я имею в виду кровь.

Жизнеописательница вежливо хмыкает в ответ.

Грымзе не сразу удастся найти вену. Она все тыкает и тыкает. Больно.

— Ну где же ты прячешься?

В жизнеописательницу уже столько месяцев тыкали иглами, что рука вся в отметинах. Слава богу, в этих краях принято носить одежду с длинными рукавами.

— Праздники пришли? — интересуется Грымза.

— Да ужас какой-то.

— Роберта, человеческий организм — большая загадка. Ну вот — попала.

Кровь льется в пробирку. Анализ определит уровень фолликулотропина, эстрадиола и прогестерона. Бывают хорошие результаты, бывают плохие. Грымза сует пробирку в подставку рядом с другими красными капсулками.

Спустя полчаса раздается стук в дверь смотровой — стучат не для того, чтобы попросить разрешения войти,

а лишь предупреждения ради. Входит мужчина в кожаных штанах, очках-авиаторах, кудрявом черном парике и круглой шляпе.

— Я тот парень — из группы, — поясняет доктор Кальбфляйш.

— Ух ты, — жизнеописательнице неловко из-за его сексуального вида.

— Ну что, посмотрим? — он водружает затянутый в кожу зад на стул прямо перед ее раздвинутыми ногами, ойкает, спохватывается, снимает очки.

Кальбфляйш учился где-то на Восточном побережье и играл в университетской команде по американскому футболу, он до сих пор слегка напоминает студиозуса. Кожа у доктора покрыта золотистым загаром, слушать он совсем не умеет. С улыбкой Кальбфляйш перечисляет какие-то загадочные цифры. Медсестра записывает все данные в карточку жизнеописательницы. Толщина эндометрия, размер яйцеклеток, их количество. Ко всему этому следует прибавить возраст жизнеописательницы (42 года), уровень фолликулотропина (14,3), сегодняшнюю температуру на улице (+13°), количество муравьев на одну десятую квадратного метра почвы непосредственно под ними (87) — так и подсчитывается вероятность. Вероятность появления ребенка.

Доктор натягивает резиновые перчатки.

— Так, Роберта, поглядим, что там у вас.

Как бы он оценил запах из вагины жизнеописательницы по шкале от одного до десяти, где десять — воняет, как плесневый сыр, а один — совсем не пахнет? А если сравнить с другими вагинами, которые одна за другой

проходят через эту смотровую, день за днем, год за годом; с толпами вагин, сонмами вульвических призраков? Многие вообще перед осмотром не подмываются, у кого-то молочница, кто-то благоухает от природы. Кальбфляйш, наверное, за свою жизнь всякого нанюхался.

Он вставляет в жизнеописательницу ультразвуковой датчик, обмазанный ярко-синим гелем, и прижимает его к шейке матки.

— Эндометрий хороший. Четыре и пять десятых. Ровно как нам надо.

На мониторе эндометрий похож на белый росчерк на фоне черной кляксы, его вообще почти не видно, как такое измеришь? Но Кальбфляйш же профессионал, она ему вверила свой организм. И свои деньги тоже. Не деньги, а деньжищи — непомерная сумма, сказочная, сага какая-то о деньгах, а не настоящие деньги, которые взаправду могут у настоящего живого человека водиться. У жизнеописательницы, к примеру, их точно нет. Она расплачивается кредитками.

Доктор переходит к яичникам, крутит и вертит датчик, ищет нужный угол.

— Вот правая сторона. Хорошенькие такие фолликулы...

Сами яйцеклетки не разглядеть — они очень маленькие, зато можно посчитать мешочки, в которых они сидят, — черные точки на сероватом экране.

— Ну что, будем надеяться на удачу, — Кальбфляйш вытаскивает датчик.

«Доктор, у меня и правда хорошенькие фолликулы?»

Отстранившись от ее вагины, он сдергивает перчатки.

— Последние несколько циклов, — он заглядывает в карточку, но на самую жизнеописательницу при этом не смотрит, — вы принимали «Кломид», чтобы простимулировать овуляцию.

Вот уж об этом ей можно не рассказывать.

— К сожалению, у «Кломида» есть побочный эффект: истончается эндометрий. Поэтому мы не рекомендуем пациентам им злоупотреблять. А вы уже долго на нем сидите.

«Погодите, что?»

Нужно было самой проверить.

— Так что на этот раз попробуем другую схему. Возьмем новое лекарство — если верить исследованиям, оно увеличивает шансы зачать у некоторых старородящих.

— Старородящих?

— Просто термин такой медицинский.

Кальбфляйш выписывает рецепт и даже глаза на жизнеописательницу не поднимает.

— Медсестра расскажет про препарат, увидимся на девятый день.

Он вручает Грымзе карточку, встает, поправляет натянувшиеся в паху кожаные штаны и выходит.

«Придурок» на фарерском — *reyvarbol*.

— Заполните вот эту форму, а завтра утром начнете курс, — объясняет медсестра. — Принимать перед едой. Десять дней по утрам. У вагинальных выделений может появиться неприятный запах.

— Класс, — говорит жизнеописательница.

— Некоторые жаловались и говорили, что запах... несколько необычный. Иногда даже откровенно гадкий.

Но вагинальный душ устраивать ни в коем случае нельзя: если в шейку попадут химические вещества, в матке нарушится уровень кислотности.

Вагинальный душ жизнеописательница никогда в жизни не устраивала, и никто из знакомых ей женщин — тоже.

— Вопросы есть?

— А какая функция, — жизнеописательница, прищурившись, всматривается в рецепт, — у «Овутрана»?

— Он стимулирует овуляцию.

— Каким именно образом?

— У доктора спросите.

В тело жизнеописательницы вторгаются все кому не лень, а она не понимает и сотой доли того, что с ней делают. Почему-то это неожиданно ее ужасает. Как же ты будешь одна растить ребенка, если даже не знаешь, что с тобой творят?

— А можно прямо сейчас его спросить?

— У него уже следующая пациентка. Лучше потом в клинику позвоните.

— Но я же как раз в клинике сейчас. А он не может?.. Или кто-нибудь еще?..

— Извините, сегодня очень напряженный день. Хеллоуин на носу.

— Хеллоуин-то тут при чем?

— Праздник же.

— Но не официальный выходной. Банки работают, почта тоже.

— Вам придется позвонить в клинику, — медленно и раздельно говорит Грымза.

Когда в первый раз не вышло, жизнеописательница плакала. Она как раз стояла в очереди на кассу — покупала зубную нить, поскольку дала себе обещание лучше следить за гигиеной полости рта, раз уж собирается стать родительницей. Позвонила медсестра:

— К сожалению, милая, результат отрицательный.

Жизнеописательница сказала спасибо, да, спасибо большое, и поскорее нажала красную кнопку, пока не полились слезы. Хотя она знала про статистику, а Кальбфляйш неоднократно говорил: «Не у всех получается», она все равно думала, что будет легко. Просто в нужный момент впрыскиваешь несколько миллионов сперматозоидов девятнадцатилетнего студента-биолога, они встречаются с вылетевшей яйцеклеткой, яйцеклетка и сперматозоид соединяются в теплой трубе — как может не произойти оплодотворение? «Не будь такой дурой», — написала она у себя в записной книжке на странице с заголовком «Немедленно нужно что-то предпринять».

Жизнеописательница едет на запад по двадцать второму шоссе среди темных холмов, густо поросших тсугами, пихтами и елями. В Орегоне растут лучшие во всей Америке деревья, высоченные, мохнатые, разлапистые, по-высокогорному зловещие. Неприязнь к Кальбфляйшу чуть приглушается благодарным восхищением деревьями. Путь от клиники до дома занял два часа, и вот теперь машина взбирается вверх по горной дороге, впереди выплывает церковная колокольня, а следом и весь городок, примостившийся среди холмистых складок, уступами спускающихся к воде. Из трубы паба, закручиваясь, под-

нимается дым. На берегу свалены кучей рыболовные сети. В Ньювилле можно безостановочно наблюдать, как океан пожирает сушу, снова и снова. Мириады бугристых морских миль. Океан не спрашивает разрешения, не выполняет ничьих указаний. Не страдает от незнания, что же, бога ради, ему делать. Сегодня волны вздымаются стенами; одевшись белой пеной, обрушиваются на торчащие из воды скалы. Обычно говорят «море гневается», но жизнеописательнице слышится в этой фразе неправильность: нельзя приписывать человеческие чувства столь нечеловеческой сущности. Волны поднимаются по причинам, для которых у людей нет названия.

«Старшей школе в Ньювилле требуется учитель истории (история США и всемирная история). У соискателя должна быть степень бакалавра. Местоположение: Ньювилл, штат Орегон — тихий рыболовецкий городок на океанском побережье, можно наблюдать миграцию китов. Директор, учившийся в колледже Лиги плюща, стремится создать динамичную и инновационную образовательную среду».

Жизнеописательница позвонила из-за слов «тихий рыболовецкий городок на океанском побережье», а еще потому, что не требовался педагогический опыт. Собеседование было очень коротким: директор, мистер Файви, пересказал ей содержание своих любимых романов о море и дважды упомянул название колледжа, в котором учился. Объяснил, что она сможет по-быстрому закончить двухгодичный летний курс для преподавателей. И вот уже семь лет жизнеописательница живет под

сенью окутанных туманом и поросших вечнозеленым лесом гор, где стометровые скалы ныряют прямо в море. Дожди, дожди, дожди. На горной дороге случаются пробки из лесовозов, местные ловят рыбу или мастерят сувениры для туристов, в пабе висит список с именами затонувших кораблей, раз в месяц проверяют сирену, предупреждающую о приближении цунами, а школьники обращаются к учительнице «мисс», как будто они слуги.

Урок начинается. Сначала жизнеописательница следует плану, но потом замечает подпертые кулаками подбородки и решает махнуть на план рукой. История в десятом — весь мир за сорок недель и обязательный идиотский учебник. Все это совершенно невыносимо, если только иногда не отклоняться от маршрута. В конце концов, эти дети еще не совсем потеряны. Они смотрят снизу вверх, подперев еще по-детски пухлые щечки, и балансируют на самой грани, готовясь скатиться в полное наплевательство. Пока еще им не все равно, но для многих это ненадолго. Жизнеописательница просит закрыть учебники, и, с радостью выполнив просьбу, ученики замирают, глядя на нее. Сейчас им расскажут сказку, они снова смогут побыть детьми, от которых никто ничего не требует.

— Боудикка была королевой кельтского племени ищенов, которое жило на месте нынешнего английского графства Норфолк. В те времена в Британии правили вторгшиеся туда римляне. Муж Боудикки умер и оставил свое состояние ей и дочерям, но римляне наплевали на

его последнего волю и захапали все себе. Боудикку высекали, а ее дочерей изнасиловали.

Кто-то из учеников интересуется:

— Что такое «высекали»?

Ему отвечают:

— Отглушили до полусмерти.

— Римляне кинули ее просто по-королевски, — кто-то тихонько смеется шутке, и за это жизнеописательница ему благодарна, — и в шестьдесят первом году от Рождества Христова она возглавила кельтское восстание. Ицены сражались ожесточенно. Гнали римлян до самого Лондона. Но не стоит забывать, что римским солдатам было что терять: в случае поражения их зажарили или сварили бы живьем, а перед этим вытащили бы кишки.

— Круть, — говорит кто-то из мальчишек.

— В конце концов ицены все-таки уступили римской армии. Боудикка или отравилась, чтобы не попасть в плен, или заболела. Так или иначе, она умерла. Смысл этой истории не в победе. Смысл в том... — жизнеописательница замолкает, на нее смотрят двадцать четыре пары глаз.

— Не связывайтесь с женщиной? — предлагает кто-то с тихим смешком.

Им это нравится. Им нравятся лозунги.

— Ну, в некотором роде. Но не только. Нужно еще учесть...

Звенит звонок.

Шуршание, мельтешение, молодые организмы стремятся на волю.

— До свидания, мисс!

— Хорошего вам дня, мисс.

К учительскому столу подходит Мэтти Куорлас, это она предлагала не связываться с женщиной.

— А английское слово *bodacious* от ее имени произошло?

— Увы, но, по-моему, это слово появилось только в девятнадцатом веке — в нем соединились *bold* и *audacious*¹. Но мысль очень интересная!

— Спасибо, мисс.

— Совершенно не обязательно меня так называть, — говорит жизнеописательница в семь тысяч первый раз.

После школы она заезжает в «Акме», это и продуктовый, и строительный, и аптека — все сразу. Фармацевтом работает мальчишка или уже молодой человек, которому она преподавала историю в свой первый год. Жизнеописательница терпеть не может этот неловкий момент, который наступает раз в месяц, когда он вручает ей белый пакет с маленькой оранжевой бутылочкой. «А я знаю, для чего нужны эти таблетки», — говорит его взгляд. На самом деле нет, но ей неловко на него смотреть. Она обязательно притаскивает что-нибудь на кассу (арахис без соли, ватные палочки), будто надеясь замаскировать лекарство от бесплодия. Имени фармацевта жизнеописательница не помнит, зато помнит, как восхищалась семь лет назад его длиннющими и всегда будто чуть влажными черными ресницами.

¹ *Bodacious* — смелый, безрассудный, *bold* — храбрый, *audacious* — дерзновенный (*англ.*).

Играет безликая фоновая музыка. Жизнеописательница садится на жесткий пластиковый стул под лампами дневного света и достает записную книжку. В этой книжке — только списки, каждый следующий ничуть не хуже предыдущего. «Что купить в продуктовом», «Узоры на галстуках Кальбфляйша», «Страны, где больше всего маяков на душу населения».

Она начинает новый:

≤Обвинения, которые выдвигает тебе мир≥:

1. Ты слишком старая.
2. Если не можешь зачать ребенка естественным путем, не надо вообще его заводить.
3. Каждому ребенку нужны два родителя.
4. Ребенок, воспитанный матерью-одиночкой, с большей вероятностью станет насильником, убийцей, наркоманом, двоечником.
5. Ты слишком старая.
6. Раньше нужно было об этом думать.
7. Ты эгоистка.
8. Это неестественно.
9. А как будет чувствовать себя твой ребенок, когда узнает, что его отец — неведомый дронер?
10. Ты старая развалина.
11. Ты слишком старая. Жалкая старая дева!
12. Ты все это делаешь только потому, что тебе одиноко?

— Мисс? Вот ваше лекарство.

— Спасибо, — жизнеописательница подписывает стилусом экран на кассе. — Как делишки?

Мальчик с чуждыми ресницами разводит руками.

— Если тебе от этого будет хоть какая-то радость, из-за этого лекарства мои вагинальные выделения будут знатно вонять, — говорит жизнеописательница.

— Ну, хоть ради благого дела.

Она откашливается.

— Получается сто пятьдесят семь долларов и шестьдесят три цента.

— Что?

— Простите.

— Сто пятьдесят семь долларов? За десять таблеток?

— Ваша страховка на это не распространяется.

— Но почему?

Мальчик с чуждыми ресницами качает головой.

— Я б вам их с радостью за так отдал, но у этих гадов тут везде камеры понатыканы.